

И.А.Рольник

искусствовед, Москва

Деревня Полома, или Как это было в 1980-е годы

Несколько лет подряд мы с Виктором ездили отдыхать к друзьям в Костромскую область, в село Угоры. Нам нравились эти места и своей красотой и относительным безлюдьем. Угоры стоят на высоком берегу Унжи, оттуда далекий вид на хвойные леса до самого горизонта.

Отсюда с берега они кажутся девственными, нетронутыми человеком. Обычно мы приезжали в конце апреля, ходили по еще голому лесу покрытому серой опавшей листвой, искали сморчки. Бродили по окрестностям и постепенно нас согрела мысль найти здесь свое собственное пристанище. За дело взялся Виктор, поставив главным критерием выбора красоту самой деревни и ее расположения. Так была найдена Полома.

Ранней весной Полома хорошо видна от автобусной остановки на шоссе, на «большой дороге», как его здесь называют. Деревня поднимается на гребне холма за лесом - ряд игрушечно нарядных домиков.

А кругом панорама широких засеянных полей, то светло, то темно зеленых. Холмистый рельеф как будто стремится показать землю как можно шире и все это охвачено куполом неба с величественными белыми облаками. Темная лента шоссе то падает, то поднимается, и когда оглядываешься кругом, испытываешь чувство свободы и полета, так просторно здесь, так много сразу открывается взгляду.

Чтобы попасть в Полому надо пройти по проселку километра три. Едва вы спускаетесь с дорожной насыпи как деревня, казалось бы столь близкая, исчезает из виду. Перед вами только дорога, которая идет среди полей огражденных лесом как стенами. Этот путь красив всегда, в любое время года - весной здесь нежно зеленеют всходы, летом колоситься рожь или голубеет цветущий лен. Деревни долго не видно, она открывается внезапно и вся целиком, серые избы глядят белыми наличниками среди старых развесистых деревьев. Зелеными полосками лежат перед деревней огороды замкнутые темными строчками изгородей.

Уже с первого взгляда облик Поломы так привлекателен, что миновать ее просто невозможно. А войдя в нее вы попадаете в замкнутое пространство, где дома объединяется в единое целое. Вы словно во дворе - кругом теплые деревянные стены, под ногами плотный ковер гусиной травы. Здесь же колодец с журавлем, скамейка под вековой липой. Улица так коротка, что взгляд охватив ее упирается в ворота околицы. По контрасту с простором окружающих полей деревня кажется особенно теплой и уютной. Позади нее на зеленом

выгоне разбросаны черные баньки, дальше околица, небольшое поле на косогоре, а снизу поднимается лес.

Полома едва ли не самая маленькая из окрестных деревень. Двенадцать домов всего, точнее даже одиннадцать, потому что двенадцатый нынешним летом разобрали и уже наполовину перевезли в село Угоры, туда где сельсовет, школа, магазин и «большая дорога» ведущая в райцентр.

За хлебом и продуктами жители Поломы ездят поочередно на лошади в Угоры, труднее приходится ребятишкам, им надо каждый день в *любую* погоду пробежать до школы и обратно шесть километров. Зимой здесь сильные морозы, весной и осенью в распутицу тонкая дорога. Вот и переселяется постепенно Полома, лесная деревушка в Костромской области, убывает с каждым годом. Есть планы перевезти ее всю разом, соединить с другой, укрупнить. Но пока что она стоит и опустевшие участки не портят ее облика, скорей даже наоборот, потому что больше стало зеленых лужаек, просторней стоят дома. А вообще то Полома никогда не была особенно большой. Когда-то поселился возле самого леса лесник, от него и пошла деревня. Потомки того лесника первопоселенца - Соколовы, живут здесь и но сей день. Соколовы да Скворцовы, вот две основных фамилии в деревне, почти все жители тут в родстве друг с другом. Большая часть населения Поломы пожилые люди всю жизнь проработавшие в здешнем колхозе. Народу немного. Но это зимой, осенью. А летом деревня становится многолюдной, приезжает в отпуск родня: дети, внуки, племянники. Из Иркутска, Москвы, Севастополя, Казахстана.

И тогда видишь, что Полома - настоящий медвежий угол, в прямом смысле слова; все лето медвежьи следы возле деревни, - прочно связана с широким миром, живет его интересами и проблемами. Словно ниточки тянутся отсюда родительская любовь и участие во все края страны, туда где живут дети.

Рано утром воздух в Поломе пахнет чуть-чуть яблоками и хвоей. Это и неудивительно, ведь лес рядом. Переходишь по скользким бревнам узкую как ручеек речку Чернушку иходишь в него. И если пойти прямо прочь от деревни, то до ближайшего жилья будет километров 25. Здешний лес славится на всю округу, издалека приезжают сюда за грибами и ягодами.

Летом у жителей Поломы много всяких забот и хлопот: огороды, сенокосы. Многие из них, хотя уже ушли на пенсию, помогают колхозу, тем более что колхоз хорошо платит за работу. И все-таки все стараются каждый день хоть ненадолго сбегать в лес. Не только ради грибов и ягод, хотя их тоже надо запасти, «натаскать» на всю долгую зиму и еще детям в город послать. Летом они не представляют себе жизни без леса. Ходят в лес ради его красоты, ради того душевного настроения, который находят в нем. «День не схожу в лес и будто

не хватает чего то» - можно услышать в Полеме. В лесу страшновато. Опасаются наткнуться на медведя, или того хуже на медведицу с медвежонком, бояться заблудиться, «закружиться», в бессолнечный день

А все равно идут. Никогда не надоедают знакомые с детства дороги: «на Кондобу» - глухую лесную речку, «на Чистобор» - так называется великолепный бор-беломошник с колоннадами сосен. В середине лета на лесных дорогах весело играют пятна света и тени, блестит вокруг зеленая листва, вплотную подступают высокие травы и малинники. Ближе к осени пестреет лес желтыми и красными листьями, гроздьями рябин, из травы выступают ряды волнушек, которые «хоть косою коси», и красные головки подосиновиков. В лесу местами сплошной черничник, осыпанный темными ягодами. Заросли голубики на болотах. А на старых вырубках алые россыпи брусники. На всех тут хватает лесных даров, носят и месят ведрами всякую благодать - и все равно целые ягодники нетронутыми уходят под снег.

А зимой, когда много свободного времени, ткут женщины в Полеме половики. Ткать умеют все, еще девчонками выучились у матерей. Прежде из тонкой льняной пряжи ткали материю на сарафаны, рубашки, полотенца, скатерти и простыни, рядом для мешков. Ткали и дорожки, «Вою зиму работали, «пластались», - вспоминают женщины. Да и летом много труда отдавали льну, надо было его посеять, вытеребить, вымочить, размять, расчесать и только тогда уже прясть. Все это, конечно, делалось вручную. Сейчас, разумеется, свой лен никто не сеет и полотно больше не ткут; отпала необходимость в этой тяжелой работе, но осталось умение ткать, привычка к этому занятию. Зимние дни без него кажутся пустыми. Вот и ткут половики. Так прежнее ремесло, входившее в женские обязанности, приобрело характер творческого занятия «для души», стало радостью свободного часа.

Ткут уже не из льняной пряжи, а из тряпок окрашенных в разные цвета, нарезанных на тонкие полосы и скрученных. В качестве основы берут простые катушечные нитки. Изменился не только материал, из которого ткут половики, изменились их размеры и рисунок. Половики теперь ткут широкие, шириной до 80 сантиметров, специально ради этого старые кросна переделывают. Скорей всего так делают потому, что половики перестали быть только дорожками, которыми застилают пол, их назначение стало более разнообразным - ими покрывают диваны, вешают как ковры над кроватями. Но для этого не совсем годится традиционный узор в виде разноцветных поперечных полос. Некоторые мастерицы делают новый рисунок - шашечный, из квадратиков, не без влияния, конечно, фабричных пледов и покрывал.

За день опытная мастерица, работая не отрываясь, может наткать до трех метров. Скапливаются за зиму в чуланах огромные рулоны половиков по тридцать с лишним метров. Вынесет женщина напоказ такой рулон, с гордостью за свою работу раскатит его по комнате.

«А вот еще так делаю, так могу!» - метнет под ноги другой. И вот уже вся комната полыхает красками, нарядная, праздничная. Кто выводит шашечный рисунок, кто тклет традиционные полосы, но все половики глубоко самобытны, и каждая из мастериц выражает в них себя.

Взять хотя бы половики Антонины Алексеевны Дворцовой - какой удивительный вкус! Их пестрая клетка вызывает в памяти лесные делянки, освещенные солнцем. В цветовых переходах ощущаются движение леса, шелест листьев под ветром. Продольные полосы - как больше лесные дороги, которые принимают цвет окружающего леса, а поперечные - точно лесные дорожки, пролегающие по мхам, травам, брусничникам. И снова появляются ассоциации - так и видишь желто-красную листву осин, зеленые березки, темный ельник...

У мастерицы могло и не быть осознанного стремления передать впечатления от леса, просто зрительные образы западают в душу и находят потом свое выражение.

Совсем другие половики у Екатерины Александровны Соколовой. Я привезла в Москву те и другие. Половики Антонины Алексеевны можно было постелить и на диване в кухне, и на тахте в комнате, всюду они были к месту, вносили легкое, веселое настроение и облагораживали стандартную квартиру. А вот с половиками Екатерины Александровны было сложнее. Куда их ни положишь, они все кругом забивают, врываются торжествующей, прямо какой-то языческой радостью, и блекнет все, что есть в доме... Ее половики - это откровенная домоткань, ручная работа, так отвечающая современному стремлению видеть теплоту ручного творчества в предметах, которые нас окружают.

Они очень просты по рисунку и цвету: чередуются две широких поперечных полосы - красная и темная, где красный цвет наложен на синий. Да две желтые продольные полоски проходят по краям. Вот и все. Но простота этой традиционной по характеру вещи кажущаяся в ней глубокое и непростое содержание. Таким же внешне простым однообразным может показаться на первый взгляд эпос, а ведь он содержит духовный опыт целого народа, отражает его отношение к жизни. Но стоит вчитаться в него, как поражаешься его глубине, емкости образов, художественному совершенству.

В работе Соколовой простота того же плана - глубокая. Это выражение мощной жизнеутверждающей силы, которая все преодолевает. Красный цвет проходит по всей ткани, он покрывает синие полосы, умиротворяет, сглаживает; их, не позволяя им отрываться от себя, Он словно добро, перекрывающее все злое и темное.

Размеренный ритм полос, ясный; спокойный, тяжеловатый, вызывает представление о долгом пути или о самой жизни как о пути, в котором чередуются светлое к темное, тяготы и радости. Явственно ощущается неослабевающая энергия этого движения, уходящего в

бесконечность... Переработка жизненных впечатлений здесь идет на глубоком, можно сказать философском уровне.

В противовес этому в работе Скворцовой отразилась радость прямого впечатления, она одномоментна, замкнута, конечна. Но, как ни различны работы мастериц, в них есть нечто общее, порожденное образом жизни, близостью к природе, спокойным чередованием труда и отдыха - всем тем, что дает ясный душевный настрой, которого так не хватает порой нам, горожанам, живущим вдали от полей и лесов.

Теперь у нас в Полومه есть свой дом, дом-развалюшка, который десять лет простоял нежилым. В первый же дождь крыша так потекла, что некоторые места в комнате стали похожи на душевые кабины. Окна из маленьких, грубо соединенных кусочков стекла, тяжелый признак деревенской нищеты и заброшенности. На крыльце не хватает досок, ступеньки выщербленные, прогнившие, участок зарос крапивой и лопухом.

Но это все-таки дом, наш собственный дом в Полومه, и потому мы здесь принятые вначале как гости, теперь хозяева дома и потому полноправные жители деревни. На зная в общем-то нравов деревни, мы и предполагать не могли такое, мы и мечтать не могли о тех человеческих контактах, которые пришли к вам вместе с домом. Просто вам хотелось иметь собственное пристанище в любимившемся краю, дальше этого наши намерения не шли. Но Полома - единый организм приняла нас как свою часть, нам оставалось лишь не оттолкнуть деревню, не вызвать в ней отчуждения.

Мы приехали в Полому в конце апреля и с азартом принялись приводить в порядок дом. И пока мы скоблили стены и потолок, мыли поли, сбивали стол и топчаны, дверь к нам не закрывалась. То и дело на пороге появлялась новая фигура и со словами «Здорово живете! (с ударением на все «о» в слове «здорово») присаживалась на лавку возле дверей. Это все были пожилые женщины, наш соседки. Они сидели на лавке рядком, как в кино, и примерно так же вели себя: смотрели и переговаривались, комментируя все наши действия. И так каждый день, а мы все продолжали мыть и чистить. Наступила праздничная майская неделя, первое-второе-третье мая, потом девятое. И мы торопились сделать дом хоть сколько-нибудь жилым, и нам было не до праздников.

Наблюдатели поразились - «Мужик рукодельной, да непьющий!» - произнесло потрясенное общественное мнение.

Вначале мы приняли это нашествие соседей как не особенно приятную неизбежность, которую надо кротко перетерпеть, приняли как группу женщин в темных платьях и белых платочках с говором не всегда даже и понятным для нас. Потом группа распалась на лица, а потом стала нашими хорошими знакомыми и друзьями.

Первой Анна Александровна Соколова, ближайшая соседка, ее дом стоит через дорогу и смотрит окнами в наш дом. Она рада, что в заброшенной избе теперь будут жить люди, довольно она простояла пустой, тоску наводила!

- Здесь 25 лет моя подруга жила - говорит она, - я все к ней ходила, теперь буду к вам ходить. Ходит добросовестно, неизменно с тех самых пор и по сей день. Взяла надо мной шефство, и так как из ее окон виден и весь мой дом и участок она всегда все обо мне знает. Ну, например, долго ли я читала вечером – свет горел, рано ли встала - раздвинула занавески. Когда вышла на улицу. Что в огороде, - она говорит «огородец» - делаю: сажаю, поливаю или пропалываю. А когда ей что-нибудь плохо видно, она быстренько выбегает из своего дома и к плетню, моему. Все рассмотрит и скажет: «Опять ты полешь!» или «Опять ты сажаешь!» И вроде бы недовольным тоном осудит меня за мою неугомонную возню на этом крохотном «огородец». Чем-то ей не нравится, что я все время в нем копаюсь. Наверно это потому что у всех в деревне огороды большие, чего там только не растет, всего ведь надо на зиму запасти! Ну и, конечно, некогда им каждое растение, как мне, обхаживать, и выглядит моя деятельность поэтому несерьезной забавой, тогда как для всех жителей деревни это очень важное и трудное дело. Я так думаю, иначе почему бы ей было неприятно. Пародия какая-то на настоящую работу, которая раздражает.

Но Анна Александровна скоро прощает меня, насмотрится и начинает советовать, даже скорей командовать: «Это-то ты выдерни! А там полей! - и все так по-делу, толково с большим огородным опытом. Глаза у нее быстрые, зоркие, все сразу приметит, поймет, что к чему.

А когда я долго не показываюсь на улице, она приходит в дом и на пороге обязательно скажет: «Здорово живете!» , хотя бы я уже утром с ней здоровалась у колодца. Я так понимаю, она теперь не со мной здоровается, с домом. Здесь все так делают, обычай такой.

Потом она обязательно разуется, как бы я ее не отговаривала, и пришлепает ко мне поближе босиком черев всю комнату, скажет для начала что-нибудь вроде «ой-ой-ой!» вздохнет или зевнет, это у нее тоже вроде ритуала.

Только не считайте, что Анна Александровна дряхлая старушка, которая ходит по соседям, чтобы охоть и жаловаться на болезни. Она бодра и крепка, в лес с ней лучше не ходить, бежит так, что едва за ней поспеваешь, и по пути вдоль дороги своими острыми глазами все грибы раньше меня высмотрит и поднимет.

Анна Александровна одна такая в Полومه, другой нет. Хотя, если разобраться, то все здесь разные, никто друг дружку не повторяет.

Газету в Полومه не издают, так вот Анна Александровна как бы служит живой газетой. Но о новостях, событиях в деревне она не просто рассказывает, она их изображает, проигрывает. Говорит разными голосами, показывает, как кричат, плачут, шепчут. Придет Анна Александровна и станет ясно, что делается кругом - к кому дети или внуки приехали, кто с кем поссорился, какой прогноз погоды и что привезли в магазин в Угоры.

А иногда проиграет какое-нибудь событие из Собственной жизни, например: «Как заблудился в лесу внук Толя и как Анна Александровна с дочкой искали его» или «Как Анна Александровна ездила гостить к сыну в Севастополь, а на днях она светясь радостью рассказала мне: «Как в девках на вечерки танцевать ходила».

Живет Анна Александровна одна в крохотном домишке, а трое ее детей живут в разных городах, пишут, приезжают иногда. Одна, но это деревенское «одна», совсем не то что городское. Только в городе одиночество может быть таким абсолютным и свирепым. А здесь – в соседнем доме живет ее брат, а дальше по той же стороне улицы - сестра Маша. И со многими другими в деревне, да чуть не со всеми она состоит в каком-нибудь родстве. Она ведь родилась здесь, в Полومه, она росла возле этого леса и полей. По этим самым тропинкам бежала на вечерки-свидания. И все это навсегда с ней, дает силу как эликсир вечной молодости. «Родиться, жить и умереть все в том же старом доме - писал поэт. Кто из нас в юности понимает эту мудрость, всех нас манят перемены, новизна, мы гонимся за ними и понемногу теряем себя и свои силы, когда думаем, что овладеваем. Стоит мне приехать в Ленинград и с меня слетает 15-20 лет, оживает трепет прошлого. Поворот улицы, решетка, изгиб реки... И прошедших лет словно и не было.

Как-то я пошла с женщинами из Поломы за ягодами. Мы перекликаясь набрали полные ведра и выйдя на тропу сели отдохнуть на поваленном дереве. И тут меня вдруг поразила мысль, что все они - Лида, Татьяна, Марья, Анна Александровна приятельницы, подруги с детства, что они друг друга помнят девочками, потом девушками, молодыми женщинами, что они связаны сотнями нитей воспоминаний, что личный опыт каждой из них делался достоянием всех других. Что им не пришлось решать свою жизнь не имея образца, живого совета, поддержки. Это и сделало их устойчивыми и сильными, точно деревья со множеством корней. А они и не знают об этом своем счастье умудренности общим опытом, о своей коллективной силе. И порой завидуют тем, кто много ездил и видел. А дети у них уже разберлись кто куда. Но о детях в другой раз, это целая тема, довольно грустная.

Меня всегда поражает светский такт Анны Александровны, ее ум лишенный косности, открытый всему новому, любознательность и ее умение подойти к самым разным людям. Наверно это еще и потому, что она неграмотна и всю жизнь всю информацию могла получить только от людей, в разговоре, тут научишься!

Вот пошли через деревню в очередной обход студенты-биологи, идут мимо ее дома, Нет, незамеченными им пройти не удастся, Анна Александровна непременно их расспросит, войдет в их дела,

- Нынче-то только вдвоем пошли? - начинает она разговор и вот уже всю «потрошит» биологов, они только успевают ей отвечать.

Ее родная сестра Маша, которую вся деревня ласково называет почему-то Машенькой - это совсем другой характер, иная судьба. Машеньке уже лет 70, но она такая стройная, румяная, крепколицая, что по первому взгляду ей не дашь больше сорока. В отличие от Анны Александровны она необщительна, неразговорчива, без дела ни к кому не приходит. У меня она появляется по праздникам, а летом их в деревне много. Принесет пирожок с черникой, «пряженик» как здесь говорят, скажет две-три фразы и уходит. Машенька очень религиозна, она вся ушла в это, видимо вера это то что держит ее в жизни. Религиозность у нее строгая, нетерпимая до фанатизма. Она всегда сердится - сдержанно, но сурово выражает осуждение, если я в праздник, просто и не подозревая о нем, вожусь в огороде или развешу выстиранное белье. Пироги она мне носит для Бога - я живу одна, печь не гоняю, пирогов не пеку, то есть попадаю в положение обделенной, а в праздник, чтобы Бог радовался всем должно быть хорошо.

Вот она стоит сейчас, парадная, в светлой юбке и кофте с белым платком на голове, опершись руками о высокую изгородь и разговаривает с сестрой. Ветер облегает одежду на ее стройном теле и она кажется совсем молодой. Машенька сегодня не работает - не иначе как опять какой-нибудь праздник.

«Замужем-то она не бывала» - говорит о сестре Анна Александровна. Был у нее жених, но что-то промеж них расстроилось и он женился на другой. А другая-то умерла, он и приди к Машеньке, но не приняла, сильно обиделась.» Недаром чувствуется в ней фанатичность, жесткость, неконтактность. Не то она стала такой из за своего стародевичества, не то именно это помешало выйти замуж.

У Машеньки самый красивый и чистый двор в деревне, сочная зеленая трава, желтый ковер одуванчиков. Я залюбовалась им.

«Да у меня в заулке красиво! « - с гордостью сказала подошедшая Машенька.

Нежнее «заулок», образней нашего «двора». Так и видим ровную улицу и пространство, которое ее продолжает, сворачивая в огороде в «за-улок»

Ни у кого в деревне нет такого ухоженного, аккуратного огорода, а для дров, которые все тут запасают на несколько лет, отдельный прелестный дровяной дворик.

Но ведь я хотела писать о знакомстве с Поломой по порядку, оказывается теперь это уже трудно, впечатления наслоились и уже не вспомнить, что было понятно сразу, а что позже.

Итак, мы приехали ранней весной, мыли и обживали дом, бродили по окрестностям. Деревья стояли еще голые, серые. На земле сиреневые хохлатки - самые первые цветы, которые вышли из под серой палой листвы. Нет, все-таки первой была мать-и-мачеха. Помню увидели больше медвежьих следы возле самой деревни. Ястреб низко летит над лугом - мышкует.

Виктор видит среди кустов ветку с Столетовыми цветами прямо по стеблю и радостно восклицает: «Багульник!» собираясь сорвать ее. Я присматриваюсь, да похоже, но цветы мельче и другой формы. Дома заглянули в справочник и выясняется, что видели волчье лыко у которого смертельно ядовито все и листья и цветы и кора. Что-то нас остановило рвать его, как будто давнее воспоминание об опасности.

В другой раз мы пошли по новой, строящейся дороге. С дороги видно, в лесу еще много снега, он тает и над ним стоит туман - редкое, красивое зрелище - лесные дебри полные темной, пахнущей сыростью, болотом воды и тающего снега.

Пронзительное, радостное, многообразное пение птиц. А вше в одну из прогулок мы наткнулись на бесстрашного зайца. Из этого впечатления получился маленький рассказик для детской книги о Поломе, которую я постепенно собираю.

Про зайцев

Леса вокруг Поломы недавно сделали заповедными. Возле шоссе, там где от него отходит проселок на Полому, поставлен знак с надписью: «Таежная научно-опытная станция. Охота запрещена». Местные охотники горюют. А в лесу о своем теперь безбедном житье наверно первыми догадались зайцы.

Мы с Виктором шли полями возле леса. Глаза у Виктора дальнозоркие, он вдруг и говорит: «Посмотри вот туда, на опушку. Если это не коряга, то значат заяц!»

А у меня зрение хуже, я вижу что-то темное и все. Тут Виктор как закричит:

- Заяц, это, заяц! Он на другое место перебежал! Я сам видел!

А мы между тем идем, приближаемся к опушке, совсем близко подошли, торчит там что-то темное

- Что же он от нас не убегает, твой заяц? - говорю я. - Ждет, когда мы его за хвост схватим? Ошибся ты, коряга его конечно. Виктор засомневался: - Может и правда мне показалось?

- Слушай, а ты свистни, - говорю я, - ведь ты умеешь!

Он и свистнул, очень громко, а темный предмет не двигается - явно коряга. Подходим еще ближе и.... тут стало ясно видно, что никакая это не коряга, а заяц сидит и ушки видны и лапки. И тут он лениво так, неспеша попрыгал в кусты. А еще говорят: «Труслив как заяц» Нам этот храбрый зайчишка очень понравился и мы придумали ему имя Ушан, а потом и всех зайцев стали так называть. После этого мы Ушанов часто встречали, каждый раз как пойдем в лес, так и встретим.

А как-то я шла через мелкий березовый лесок и носом к носу столкнулось с зайцем. Хорошо его рассмотрела - большой, много больше кошки, толстый, тяжелый, сам серый, а задние лапы и хвост белые. Он, не очень торопясь, повернулся и поскакал в кусты, а в кустах сел, притаился, и думает, что я его не вижу. Тоже бесстрашный - лень ему от меня бежать. А мне смешно потому, что он думает, спрятался а я его прекрасно вижу - его хвост и лапы белые выдают.

Вся опушка возле леса заячьими катышками усыпана. Мне теперь так и кажется, что в лесу под каждый кустом сидит* заяц и на деревню смотрит - интересуется как люди живут.

Витя дорвался до конкретной работы типа - сделал и сразу видны результаты работы. Почти не отрываясь, до изнеможения пилит, сверлит, приколачивает. Провел свет в сарай и погреб Анны Александровны. Починил все неисправные швейные машинки в деревне. Все нам в благодарность что-нибудь несут, кто молока, кто сала, и невозможно объяснить, что работал просто за дружбу, а не за корысть. Не понимают как-то или скорей не верят. Мужчин в Полуме мало, и всякое мужское ремесло очень ценится. Что-нибудь сделал - надо платить, стакан водки или целых поллитра, а то другой раз не поможет.

А я испытываю острое чувство собственности - мой дом! Все никак не привыкну к мысли, что это большое, хотя и запущенное, но добротное сработанное строение с крепкими массивными дверями, мощными притолоками, двором и чуланом - мое. Хожу и люблюсь, радуюсь, оглаживаю стены, двери. Поражает большое пространство, многообразие построек, совершенство дома, в котором все так продуманно, выверено, закономерно. Дом построен по исконной для этих этих мест архитектурной схеме, но вот внутри переделан как и все дома в деревне.

Изменился быт, нет таких больших семей как прежде, много покупных вещей в обиходе. Все дома перегорожены на четыре комнаты - прихожую, кухню, горницу и спальню и непременно где-нибудь встроена, кроме русской печки еще кирпичная плита, трубы от которой тянутся вдоль перегородки через всю комнату.

Виктор, эстет и ревнитель исконных традиций, войдя в дом первым делом, яростно как на врагов набросился на эти перегородки и сломал их. Потом с таким же напором

разобрал печь, Получалась большая, метров в сорок комната, по мнению местных жителей «сарай».

Вечерами мы топим русскую печь, подолгу не закрываем заслонку, любимся огнем. Специально, чтобы готовить в печи купили два маленьких ярко-оранжевых как жилеты у стрелочников, горшочка. А потом еще один такой же, чтобы готовить полный обед - суп, кашу, компот.

Из этого возникает сюжет детского рассказа :»Как горшочки научили, обед варить». (Все было как-то не приладиться готовить в русской печке, непонятно что и как варить. А тут купили горшочки и стало ясно - надо варить суп да кашу, а если еще купить третий, то компот или делать топленое молоко.) Написать бы в таком духе.

Дамская неделя кончилась и Виктор уехал в Москву. Потеплело. На столбе посреди деревни сидит скворец и пронзительно, радостно свистит. Непременно поставим у себя скворечник, чтобы у нашего дома тоже был свистун.

Уже середина мая, но вдруг наступил рецидив зимы. Проснулась утром, а в комнате светло, как бывает, когда выпадет первый снег. И впрямь снег, на земле, на крышах и холодный совсем зимний ветер. Вот тут-то я убедилась, что вовсе не зря стояла в доме плита, потому что одна русская печь не может обогреть дом, А ведь говорили нам женщины - что же это вы печку сломали-то - холодно будет.

Теперь я очень прислушиваюсь к советам, тотчас делаю как говорят, даже если я не сразу пойму зачем. Советы всегда рациональны, за ними долгий опыт, если им не следовать будет хуже. Я радостно выращиваю и лелею в себе это новое для меня чувство послушания, потому что это послушание благу, добру. А в городе давно уже моей добродетелью стало непослушание, неповиновение общему мнению, интересам, направлению действий, всяким ходячим увлечения телевизорами, тряпками, карьерой.

Сегодня я до того старалась обогреться и так жарко истопила печь, что угорела, у меня заболела голова и я поднялась в половине пятого и вышла на улицу.

Над лесом стоял туман, пахло хвоей, громко точно совсем рядом пели птицы в лесу. И только из одной трубы в деревне поднимался дым - это топила печь моя соседка Лида, она работает в колхозе и рано встает.

Сегодня умер Николай Скворцов, тот что как вернулся с войны, так и не просыхал, был пьян каждый день. Богатырь какой-то, на сколько лет его хватило! Рак печени. Из больницы его отправили домой, мучился три месяца и, наверное, прожил бы еще, если бы. Тоня, жена его, не сказала ему, чем он болен. Он выматерился, что все его обманывали и через два дня умер.

Все искренне о нем жалеют, одним мужиком в Поломе меньше. А их и всего-то по пальцам перечесть. Вспоминают, что был «простой», что хорошо ходил за лошадьми, что умел все по хозяйству сделать и наладить. А что всегда был пьян и с утра до вечера матерился на всю деревню - прощают.

Вечером, проходя мимо моего дома, соседка Лида говорит: «Надо пойти попрощаться к покойнику». Значит и мне тоже надо пойти, видно таков обычай. Удивительный, неисчерпаемо интересный для меня организм - Полома! Эта жизнь, миром, общая сразу для всей деревни. События, то смешные, то грустные, то грустные и смешные одновременно.

Сегодня тепло, 13 градусов, начинает распускаться листва, свист скворцов и весь день стук молотка, хромой Николай возле Тониного дома склачивает гроб. Я зашла к Тоне. Она вместе с двумя старухами устилала дно гроба березовыми вениками. Потом стали шить наволочку для изголовья, по углам на ней непременно должны быть вышиты черные или красные кресты. Зачем? Никто не знает - так надо.

Все делается по порядку, как положено и это смягчает горе, отвлекает от него, создает иллюзию действия на благо покойнику, ощущение того, что выполняется долг по отношению к нему, совершенно точно известно, что именно надо сделать. Как все эти хлопоты спасительны для близких. Тоня плачет и причитает как нежная горлица между двух ворон. Старухи бывалые и спокойные, их черед тоже близок и это позволяет им относиться к смерти по-свойски. Они грубовато урезонируют Тоню, говоря ей, что покойнику теперь ничего не надо, что труп скоро разложиться... А Тоня причитает так женственно, так обаятельно: «Да в последний-то раз я тебе постельку стелю...» Вся открытая, светлая. Приехала дочка из Мантурова, она работает там продавщицей - красивая молодая женщина, а Тоня куда красивее, гармоничней, непосредственней, артистичней, талантливей во всем. Тоня так же выделяется, так же уникальна во всем, как и Анна Александровна. Но скорей всего своеобразны все женщины в Поломе и это раскрывается по мере того, как их узнаешь. Правда сейчас мне кажется, что все остальные суше или грубее. Сравнить ее могу лишь с Катериной, в той тоже есть музыка, но другая. Тоня - ручеек, светлые набегающие на песок волночки. Катерина - река с мощным ровным течением.

Меня поразил и даже покоробил здешний похоронный обычай - покойник еще лежит в доме, а родные едут закупать провизию, начинают готовить еду. Он лежит в одной комнате, а в соседней накрывают стол. В самый момент острого горя надо заниматься житейскими, хозяйственными делами. Но таков обычай, не соблюсти его нельзя, будет осуждение, даже позор. Дело в том, что готовящееся пиршество дань памяти, уважения к умершему, его нам надо хорошо проводить, в знак того что любили, чттили. И все

о́кружающие́ ждут т́ризны, из соседней деревни прита́чилась, ка́кая-то ни́щяя ста́рушка, чтобы́ вкусно́ до́сыта пое́сть на поминках.